

*Особый ребенок: исследования и опыт помощи
2000. — Вып. 3. — С. 118–134*

Клубная форма работы с подростками и взрослыми с последствиями синдрома РДА

Костин И.А.

В Институте коррекционной педагогики на протяжении 8 лет с несколькими подростками и уже взрослыми людьми с последствиями синдрома РДА ведутся регулярные групповые занятия, которые можно назвать «клубом друзей». Опыт такой длительной групповой работы позволяет говорить о ее уникальной развивающей роли. В данной статье сделана попытка описать этот многогранный опыт, проанализировать некоторые развивающие факторы и сформулировать определенные правила, касающиеся организации клубной работы с аутичными людьми.

Ранние формы клубной работы. Клуб возник из спонтанных встреч детей на регулярных психокоррекционных и педагогических занятиях и совместных празднований Нового года (известна необходимость отмечать вместе с аутичными детьми события годового цикла, в первую очередь праздники, смену сезонов и т.д., тем самым помогая детям эмоционально их проживать). Поначалу Клуб объединял 6–8 мальчиков в возрасте от 11 до 18 лет, с довольно разной клинико-психологической картиной аутизма. Большинство из них можно было отнести к 3-й и 4-й группам РДА, одного ко 2-й [1, 2]. Всех участников Клуба, однако, объединяло отсутствие значительного интеллектуального снижения и наличие активной речи (они не были мутичными); кроме того, с каждым из этих ребят к тому времени достаточно долго (не менее 2–3 лет) велась индивидуальная психокоррекционная и/или педагогическая работа. Формой клубной работы на первых порах была избрана общая интеллектуальная игра с использованием эстетики и атрибутов популярных телевизионных игровых шоу («Что? Где? Когда?», «Поле чудес» и т.п.). Это сход-

ство не случайно: участники Клуба, как многие дети и подростки с аутизмом (впрочем, в какой-то степени и нормально развивающиеся их сверстники), были захвачены телевизионными впечатлениями.

Следует отметить, что в условиях дефицита реального общения, трудностей произвольной деятельности, как правило, щадящего учебного режима (многие обучались на дому) телевизор становился для них одним из основных средств структурирования времени, а для некоторых — еще и одним из немногочисленных способов установления контакта: ребята очень любили обсуждать свои телевизионные впечатления и спрашивать любого собеседника о том, что он смотрит по ТВ.

Клубная игра получила название «Колесо фортуны», а центральным игровым атрибутом стало вращающееся колесо, разделенное на сектора. Во время игры на нем выпадали определенные номера, каждому из которых соответствовало то или иное задание, а далее эти задания по принципу лото распределялись между участниками. Жесткая структурированность клубных встреч облегчала задачу удерживания вместе участников игры, «владения» их вниманием, мобилизовала ребят эмоционально.

Настойчиво и систематично проводились в жизнь Клуба определенные правила, которые нельзя было нарушать никому. Важнейшим правилом, например, была очередность ответов: помогать товарищу, отвечать «за него» можно только в том случае, если он об этом сам попросит. Как известно, игры с правилами пользуются большой популярностью у детей старшего дошкольного и младшего школьного возрастов, в эти периоды дети с удовольствием и осознанно следуют правилу в игре. Такие игры несут огромный развивающий потенциал, в частности помогают развитию произвольности, самоконтроля, концентрации внимания, планирования деятельности [3].

Можно сказать, что игра «Колесо фортуны» помогала ее участникам хотя бы запоздало прожить важнейший опыт действия по правилам в игровой ситуации (а не «по обязанности» — как, например, это происходит в классе). Игра «Колесо фортуны» помогала, кроме того, и развитию сферы общения ее участников: ребята учились не только говорить сами, но и слушать друг друга, уступать. Часть заданий была сделана так, что участникам нужно было что-то делать вместе как группе; часто возникала необходимость принимать какие-то совместные решения, касающиеся клубных встреч. Все это способствовало развитию груп-

пы, ее сплачиванию.

Часть времени каждой встречи была гораздо менее структурирована: это было совместное с родителями неторопливое чаепитие, за которым роли «ведущих» (специалистов) и «участников» смешивались, в разговоры вовлекались родители. Такой более расслабленный период был важен после эмоционально напряженной игры, важно и то, что за чайным столом во взаимодействие включались родители — они могли видеть своих детей в довольно необычных условиях, по-своему «открывая» их.

Таким образом, можно рассматривать подобные клубные встречи как средство очень интенсивной, но при этом комплексной и сбалансированной (многоуровневой) эмоциональной стимуляции аутичных детей и подростков, адекватной их возможностям и уровню развития [4]. Остановимся на этом несколько подробнее.

1. *Стимуляция первого уровня.* Сюда относятся, в частности, созерцание пестрого вращающегося колеса, переживание гармонии и соразмерности круга (во время игры все сидели в кругу). Немаловажно и то, что каждый участник, в принципе, выбирал ту дистанцию и ту степень включенности в происходящее, которая была наиболее подходяща для него в данный момент. Не запрещалось никому во время игры выйти из комнаты, передохнуть, а затем вернуться; даже если участник выходил из круга надолго, его могли позвать (пригласить) обратно, но он мог при желании и остаться за пределами игрового взаимодействия.

Кроме того, каждая встреча имела свою динамику, «драматургию». Так, сначала участники неторопливо собирались, при этом опоздать на некоторое время было совсем не страшно. Кто-то в это время мог помогать устраивать помещение для игры — подносить стулья и т.д. Кто-то садился за любимые компьютерные игры. Несмотря на то что дети и подростки с аутизмом склонны к чрезмерному погружению в подобные занятия, компьютер во время клубных встреч был свободно доступен, и место перед ним становилось одним из плацдармов спонтанного, без вмешательства взрослых, взаимодействия между участниками. Другие начинали пересматривать любимые и знакомые книги на полках. Одним словом, каждый из пришедших по-своему осваивался в пространстве, привыкал, настраиваясь на предстоящее переживание. Точно так же постепенно происходило и прощание.

2. *Стимуляция второго уровня.* Это в первую очередь отчетливое переживание тепла и уюта в обжитом безопасном помещении (очень важно было создать максимально возможную домашнюю атмосферу). Наиболее ярким из впечатлений второго уровня было, конечно, совместное чаепитие. Здесь следует отметить, что свою логику, динамику имела не только каждая встреча, но и годовая цикличность встреч.

Кульминацией всего года был всегда совместный новогодний праздник; по-своему отмечался «конец сезона» — последняя игра с награждением участников. Начало года (сентябрь—октябрь) и конец (май—июнь) также были отмечены своими неповторимыми событиями, как правило, совместными поездками за город (о роли таких «выходов» речь пойдет ниже). Таким образом, работа Клуба с самого начала была устроена так, чтобы кроме всего прочего дать переживание устойчивого годового цикла, движения времени.

3. *Стимуляция третьего уровня.* Сама ситуация игры с неопределенным финалом предполагает активное включение уровня аффективной экспансии. Игра заставляла участников очень сильно мобилизоваться, напрягаться эмоционально и интеллектуально, давая в награду ощущение победы, успеха, гордости. Поскольку участники подспудно были уверены в безопасности всей ситуации игры в целом, то сложные задания работали на повышение терпимости к новому, неизвестному, давали столь необходимое (и столь бурно развивающееся в норме у детей — старших дошкольников и младших школьников) переживание азарта в предвкушении сложной задачи. В дозированной степени ведущие стимулировали и конкурентность между ребятами: за успешный ответ каждый участник получал определенное количество баллов, материализованных в особых фишках, и каждый в конце игры подсчитывал свой результат. Некоторые из участников даже запоминали количество заработанных очков от встречи к встрече (что само по себе было для некоторых ребят достижением), сравнивали свои результаты; фактически для каждого из них мера успешности в серии игр оказалась психологически значима.

Другая сторона работы третьего уровня связана с развитием такого важнейшего личностного конструкта, как уровень притязаний. Каждый игрок, сталкивающийся с затруднительным заданием, вставал перед дилеммой — пытаться справиться самому или «обратиться за помощью к Клубу» (обратившийся за помо-

стью игрок также поощрялся фишками), то есть решал важную психологическую задачу оценки свои сил.

4. *Стимуляция четвертого уровня.* Клуб с самого начала существовал на принципах взаимной терпимости, доброжелательности и расположения. Ведущие, как уже указывалось, старались всегда следить за соблюдением ключевых внутригрупповых норм, таких как взаимное уважение или очередность высказываний. Например, если более робкий и «тормозимый» участник не мог вставить слово в монолог более «яркого», ведущие старались предоставить слово первому и прерывали второго, апеллируя к групповой норме (каждый имеет право быть выслушанным). Таким образом стимулировалось развитие эмоционального механизма добровольной жертвы — пусть маленькой, но все же уступки другому. Клуб изначально помогал прожить пребывание в неформальной группе, участники которой объединены общим интересом (выше уже говорилось, насколько дефицитен этот опыт у людей с аутизмом). Яркие совместно проведенные вечера сплачивали участников как малую группу, между ними завязывались спонтанные контакты, без участия взрослых.

Таким образом, как и другие формы психокоррекционной работы с аутичными детьми, Клуб изначально обращался к переживаниям, эмоциональному опыту разных уровней системы аффективной регуляции и активизировал их, не давая «заикнуться» на переживаниях определенного уровня и развивая эмоциональные механизмы разных уровней.

Общая игра с теми или иными изменениями просуществовала в течение 2–3 сезонов. Одним из существенных изменений, в частности, стала со временем подготовка вопросов для игры не только сотрудниками, но и родителями участников и ими самими. Таким образом, они активнее участвовали не только в процессе, но и в подготовке игры, лучше начинали понимать «кухню» общего события. Смягчалась их позиция чистых «потребителей развлечения», вероятно, неизбежная на начальном этапе групповой работы. Кроме того, они лучше узнавали не только друг друга, но и близких — своих товарищей (при предъявлении задания ведущие всегда объявляли его авторство).

Кроме общего игрового действия, клубные встречи принимали и другие формы. Так, довольно ярким событием явился устроенный «смотр самодеятельности» — своеобразный праздник индивидуальных творческих возможностей. Подобная форма педагогической работы — публичное выступление перед добро-

желательной аудиторией, вынос на суд зрителей результатов творческого увлечения ребенка — представляется очень насыщенной, дающей неоценимый опыт любому ребенку в младшем и среднем школьном возрастах. Ценность такого зрелища в том, что здесь каждый может побыть и «в зрительном зале», и «на сцене», учиться не только находиться в центре публичного внимания, но и быть внимательным радушным зрителем.

Естественно, для участников Клуба, с их многочисленными проблемами в социальной жизни, это был «непрожитый» опыт. Задача ведущих в данном случае заключалась в том, чтобы каждый участник смог оказаться в чем-то «самым-самым», почувствовать свой успех даже при объективно малых возможностях творчества и деятельности вообще. В частности, недопустимо было, чтобы «тормозимые» и медлительные ребята с аутизмом 4-й группы «затерялись» на фоне ярких и явно более продуктивных в смысле творчества участников с аутизмом 3-й группы.

Вечеру самодеятельности предшествовала определенная психологическая подготовка: каждому участнику предлагалось заранее подумать, что бы он мог показать другим ребятам и родителям. Никаких «жюри», «мест» и сравнения успехов в этот вечер не было принципиально — таланты каждого принимались безоговорочно, и каждому давалась возможность почувствовать себя в чем-то первым. Так, молодой человек М. — единственный наш участник, которого можно было отнести скорее к аутизму второй группы (с огромными трудностями развернутой речи, социально-бытовой адаптации, принятия самых элементарных самостоятельных решений и т.д.), с успехом демонстрировал свою способность «врожденной грамотности», печатая сложные слова под диктовку всех желающих.

Если попытаться приложить к происходившему тогда данные возрастной психологии, можно высказать предположение, что формы и методы нашей клубной работы были наиболее адекватны, изоморфны особенностям младшего школьного и предпододросткового возраста. Иными словами, Клуб помогал нашим 12, 15 и даже 18-летним подопечным прожить тот необходимый опыт, который нормально развивающиеся дети получают в гораздо более раннем возрасте в более естественных условиях (дворовая компания, внеклассная работа в школе, спортивные секции, кружки по интересам).

Вероятно, без обращения к психологическим задачам и хотя бы некоторой проработки психологического опыта, присущих

более ранним этапам эмоционально-личностного и социального развития детей, невозможно было бы двигаться вперед и решать психологические задачи, более адекватные возрасту участников. Высокую степень структурированности и четкий сценарий происходящего можно считать, таким образом, необходимой чертой групповой работы с аутичными детьми и подростками, по крайней мере в начале.

Дальнейшее развитие Клуба. Позднее, спустя 2–3 года встреч преимущественно с игровым сценарием, Клуб стал отчетливо и неуклонно двигаться в направлении меньшей структурированности, менее жесткой заданности происходящего, а значит — большей спонтанности и естественности. Задача удержания внимания участников постепенно становилась не такой первоочередной, а на первый план выступала задача организации диалога.

Встречи в Клубе, в соответствии с этой сменой, также изменились по форме: исчезло игровое шоу, доминирующее место заняли просто разговоры, беседы знакомых людей на разные темы. При этом постепенно стиралась граница между позициями участников и ведущих-профессионалов. Здесь можно выделить несколько отчетливых этапов по степени регламентированности, структурированности общения. Вначале каждый желающий участник делал какое-то сообщение, приготовленное заранее дома, то есть это был своего рода тренинг способности выступать публично. Деятельность ведущих во время таких сообщений сводилась к эмоциональной поддержке выступавших и к привлечению внимания слушателей к рассказу (здесь можно напомнить о монологичности аутичных людей, трудностях эмпатического вчувствования и концентрации внимания на собеседнике, эгоцентричности).

Для того, чтобы усилить внимание всех участников к выступлению и десенсибилизировать внешнее оценивание результатов деятельности выступавших, была разработана система оценок каждого сообщения. Параметры такой оценки были выработаны с посильным участием самих ребят. В частности, среди них были «знание темы», «насколько заявленная тема интересна другим», «отношение к слушателям», «личная заинтересованность в теме» и т.п. После каждого выступления аудитория обсуждала прозвучавшее сообщение, и по разработанной схеме каждый участник выставлял в письменном виде оценки выступавшему. Задачей ведущих было при необходимости смягчать оценки то-

варищей, помогать выступающим (часто возникала необходимость помочь «оформить мысли» ребят, делающих отзвывы).

Важной задачей было, при общем акценте на успехе сообщения, помогать участникам конструктивно и трезво относиться к замеченным товарищами недостаткам. Использование обратной связи от одноклубников, как и смотр самодеятельности, позволяло каждому участнику побывать в разных ролях — учиться и говорить публично, и слушать с уважением и вниманием других. Иногда сообщения готовили и ведущие.

Конечно, многие ребята использовали возможность «официального» выступления для того, чтобы лишний раз «легально» поговорить на тему своих стереотипных, аффективно заряженных сверхценных интересов (поскольку окружающие, как правило, относятся к пережевыванию одной и той же темы неодобрительно). Следует подчеркнуть, что ведущие не должны были излишне оценочно высказываться по этому поводу — в конце концов, Клуб действительно базируется на принципе взаимной терпимости. Сообщения участников оценивались взрослыми только с позиции социальной приемлемости; так, табуировались нецензурные слова, к употреблению которых отдельные участники питали тягу.

Кроме того, на этапе подготовки сообщений ведущие отдельно с каждым готовившимся участником обсуждали, насколько это будет интересно ребятам. Но, в конце концов, каждый самостоятельно решал, о чем бы ему хотелось рассказать. В дальнейшем форма клубных бесед сделала еще один шаг к обычной незаданной беседе.

Заранее каждый участник писал на бумажке, о чем бы ему хотелось поговорить на ближайших встречах. Потом по принципу жребия вытаскивалась одна конкретная тема и организовывалась беседа. На некоторое время «вытягивание бумажек из шляпы» стало привычным ритуалом на Клубе. Естественно, разговор почти всегда спонтанно выходил за рамки заданной темы, и это также было важно в смысле повышения терпимости ребят к изменению сценария, к новому, к неопределенности.

На этом этапе встречи в Клубе стали проходить за общим кругом — с самого начала участники, ведущие и родители (некоторые ребята ездили к нам самостоятельно, некоторые вместе с кем-то из близких) сидели все вместе. Родители сразу стали вносить новый колорит в клубные беседы. Важно отметить то, что с этого времени и до сих пор позиции участников Клуба, родите-

лей и ведущих в принципе не различаются, все сидящие за кругом равны. Это, безусловно, не означает, что общение в Клубе перестало быть специально организованным, однако ведущие и родители ребят здесь высказываются так же, как и те участники Клуба, ради которых он был организован, — от своего имени, как отдельные, ценные сами по себе личности.

В настоящее время общение на Клубных встречах является полностью незаданным, незапланированным, в значительной степени непредсказуемым. Таким образом, оно все больше и больше становилось от этапа к этапу тренингом переживания неопределенности, неожиданности. Участникам все время приходится ждать, соотносить то, чем нестерпимо хочется поделиться самим в данный момент с сиюминутной коммуникативной ситуацией: с общей канвой разговора, с фокусом внимания аудитории, даже с преимущественным уровнем громкости речи окружающих в данный момент. Как пойдет разговор дальше, не может сказать никто. Если кто-то из ребят начинает говорить об интересующем его предмете (как правило, это монолог, то есть участнику больше нужно выговориться самому, чем выслушать других), то часто эта тема подхватывается, начинают высказываться и другие присутствующие, разговор может пойти в иное русло — и участник поневоле втягивается в диалогическое общение, со всей его непредсказуемостью.

Элементы неопределенности поджидают участников Клуба на каждом шагу; ведь даже то, кто именно сегодня придет, а кто не придет, тоже в начале встречи неясно, и это дает почву для совместного переживания: а ну, кто еще из знакомых заглянет сегодня на огонек? Этот совместно проживаемый интерес может вылиться как в радость («Ага, вот и ...»), так и в огорчение (кто-то сегодня не пришел, нет кого-то из ведущих — будем надеяться, увидимся в следующий раз). Задача ведущих здесь — помочь прожить напряженное ожидание или огорчение, давая чувствам участников конструктивное, «оптимистическое», разрешение. Еще гораздо более мощное переживание встречи с неожиданностью дает посещение Клубных встреч посторонними — гостями (часто это профессионалы-коллеги, но не только).

Приветствие «гостей» по всем законам гостеприимства — отнюдь не мелочь, а важная часть идеологии Клуба, вместе с другими его составляющими решающая определенные задачи. Никто из проходящих на Клуб посторонних не остается за кругом, как это иногда практикуется на групповых психотерапевтичес-

ких сессиях. Вновь прибывший человек обязательно садится вместе со всеми за стол, становится полноценным участником разговора. Иногда, чтобы легче ввести «новичка» в поле общения (независимо от того, пришел он на одну встречу или будет ходить регулярно), используется такой ритуал: новичок должен рассказать какую-нибудь интересную историю из своей жизни. Следует помнить, что при высокой социальной сензитивности, столь характерной для аутичных людей, неожиданный приход незнакомца в уже ставшие привычными и хорошо освоенные условия может стать достаточно мощным стрессором.

Для ведущих в такой ситуации важно сделать акцент на общей безопасности и стабильности происходящего, а также акцентировать групповую норму гостеприимства и открытости группы.

Клуб объединяет сейчас около 10 человек с последствиями аутизма в возрасте от 13 до 25 лет. Большая часть из них встречаются с начала 90-х годов, однако время от времени появляется кто-то новый. Следует отметить, что как клинически, так и с позиции достигнутой социальной адаптации это по-прежнему довольно разнородная группа. Некоторые участники остаются неорганизованными после окончания школы, некоторые учатся в вузах или работают, некоторые еще школьники. Возможности диалогического общения также у них весьма различны. Однако благодаря атмосфере общей терпимости на встречах обычно не возникает пренебрежения к тем, кому труднее поддерживать разговор, отвечать на вопросы и т.д.; если же приходится сталкиваться с подобными проявлениями, то ведущие сразу же апеллируют к групповым нормам равноправия и взаимоуважения.

Например, когда говорит упоминавшийся выше молодой человек М. (которому в настоящее время 25 лет и который по-прежнему говорит очень медленно, нечетко, с трудом строит развернутое высказывание и в высказываниях часто смешивает свой личный и групповой опыт, из-за чего бывает трудно его понять), обычно все терпеливо ждут.

По-прежнему не регламентировано присутствие участников за общим столом. Те, кто по каким-то причинам не включаются в данный момент в происходящее, могут свободно «дрейфовать» по комнатам, получая те впечатления, которые им нужны.

Если обобщить самые частые темы Клубных бесед, можно отметить также их неслучайность. Наиболее популярные в Клубе темы разговоров составляют основу общего переживания, дают каждому участнику важный индивидуальный и групповой опыт.

Среди таких тем — переработка детского опыта. Воспоминания присутствующих о детстве — очень богатый материал для общего обсуждения, сравнения, сопереживания. Как правило, впечатления детства у людей с аутизмом глубоки, очень аффективно насыщены; часты не изжитые до конца страхи или просто впечатавшиеся в память впечатления-штампы. Сравнение детских радостей, очарований, интересов, страхов всех участников помогает еще раз прожить и структурировать аффективное впечатление, «завершить гештальт».

Здесь особенно важно, что все сидящие за столом — родители, ребята, специалисты — находятся в равном положении, рассказывая о чем-то из своего детства. Тот факт, что, например, чей-то родитель тоже чего-то боялся в детстве или пытался убежать из дому в поисках приключений, воспринимается некоторыми ребятами как феноменальное открытие. В сравнении впечатлений детства достигается радостное чувство общности присутствующих.

Телевизионные впечатления. Большинство из участников Клуба по-прежнему «телеманы».

Конечно, относиться к этому факту с большим оптимизмом нет оснований, он говорит скорее о неспособности занять себя, об отсутствии структурирующей жизнь деятельности. Однако, раз это так, то впечатления от увиденного по ТВ служат таким же основанием для группового обсуждения и сравнения, как и любые другие. Опыт показывает, что в такой групповой работе нельзя исходить только из деления интересов на «высокие» и «низкие» по художественному уровню. Более того (эта тема еще требует более подробного рассмотрения), юношей с аутизмом, как людей с психикой незрелой, легко заражающихся яркими впечатлениями, мощнее всего аффективно привлекают именно достаточно низкопробные образцы современной массовой культуры. Когда какой-нибудь участник Клуба с жаром начинает изливать впечатления от очередного сериала или музыкального шоу, ведущим легко попасться в ловушку прямого и трезвого «худсоветовского» оценивания этой передачи.

Однако даже при определенном уровне доверия неосторожные высказывания могут оказаться разрушительными. Вряд ли даже авторитетный взрослый может легко разубедить аутичного человека просматривать «ненужные» ему передачи. В таком случае лучше попытаться понять, что именно привлекает подростка или юношу, какие впечатления он получает из той или иной передачи. А это уже может служить основанием для диалога, срав-

нения впечатлений, то есть работать на общность, а не на разъединение.

Текущие политические события. Некоторые из входящих в Клуб ребят интересуются политической сферой и всегда рады поговорить об этом на очередной встрече. Дело в том, что политическая жизнь всегда несет в себе мощный аффективный заряд, всегда очень насыщена эмоционально. Этот заряд несут в себе действия людей, находящихся у власти, журналистские репортажи о происходящих событиях и т.д. Вероятно, именно эта аффективная заряженность, «страстность» приковывает внимание некоторых из участников Клуба к политике.

В сущности, природа этого интереса та же, что и у характерного для детей 3-й группы РДА аффективного влечения к страшному, запрещенному, грязному. Поэтому, когда речь на Клубе заходит о политике, беседа строится примерно по тем же канонам, что и психокоррекционная работа с аутичными детьми 3-й группы. Например, образы находящихся у всех на устах людей дополняются множеством деталей — что они за люди, что ценят в жизни, чему радуются, а чего боятся.

Кроме того, в силу мощной аффективности представлений ребят о политических реалиях им бывает полезно столкновение с трезвым аналитическим и слегка «прищуренным» взглядом на происходящее. Роль таких аналитиков блестяще выполняют на Клубах некоторые из родителей. Благодаря столкновению с более сухой, трезвой и потому, возможно, более скучной точкой зрения чрезмерно страстный интерес ребят к политике слегка теряет свою напряженность, наполняется более конкретным и реальным содержанием. Для других же, кто не любит политических разговоров (для участников с высокой эмоциональной чувствительностью эта тема неприятна в силу ее аффективной заряженности), такие разговоры также, думается, небесполезны и выполняют десенсибилизирующую роль, воплощая в то же время клубный принцип плюрализма тем и интересов.

Литература и искусство. Средства культуры традиционно занимают важнейшее место как в реабилитации особых детей, так и в воспитании в целом. Поэтому книжные, музыкальные, художественные и т.д. пристрастия являются одной из излюбленных и культивируемых тем клубных бесед. Происходит их обсуждение в основном в той же самой форме сравнения впечатлений и интересов, образуя замечательное основание для развития диалогического общения. Такое сравнение — «что кому нравится» — позволяет находить и радоваться точкам соприкосновения,

делиться опытом и впечатлениями, создавать «банк» общих, разделяемых многими впечатлений.

Путешествия. Известно, что путешествиям в другие края в самых разных культурах придавалось огромное значение, и они представляли собой незаменимый шаг в социализации, особенно для людей возраста наших участников [5]. В рассказах ребят, которые побывали где-то (в данном случае не имеет значения, далекое это путешествие или нет), всегда есть масса ценного материала. Это, например, трудности и неудобства, которые пришлось преодолевать в путешествии; впечатления от архитектуры, природы, стиля жизни людей в других местах; неповторимое ощущение возвращения домой и т.д. Кроме того, рассказы о дорогах всегда заинтересовывают других участников, служат хорошей основой для сравнения впечатлений и диалога.

Очень важно, что Клуб остается местом не только специально организованного общения за столом с ведущими, но и ситуаций спонтанного взаимодействия участников между собой — местом, где можно просто поделиться новостями, расспросить других об их новостях и т.д. Такое взаимодействие, постоянно происходящее на встречах, представляется чрезвычайно ценным, хотя может на взгляд постороннего человека показаться вычурным и странным.

Выход за пределы обычных клубных встреч. Как бы ни был ценен опыт, получаемый аутичным человеком на клубных встречах, эти встречи остаются специально организованными, и ребята это чувствуют. Хотя это в открытую не обсуждается, но для всех участников понятно, что ответственность за происходящее на Клубе лежит на ведущих, что при всей демократичности правил и равноправии всех сидящих за столом именно ведущие пристально отслеживают ход событий на встрече, избегают «опасных углов», при необходимости переводят разговор на другую тему, следят за выполнением внутригрупповых правил и т.д.

В социально-бытовой адаптации, а также для полноценного эмоционального развития совершенно необходимы, однако, и ситуации выходов в «настоящую» жизнь, со всей ее непредсказуемостью и неопределенностью. Здесь следует подчеркнуть, что опыт столкновения с реальной жизнью у детей с аутизмом, как правило, чрезвычайно ограничен. В частности, если, по данным М.В. Осориной, современные городские дети начинают самостоятельно передвигаться в общественном транспорте в младшей школе, примерно в 7-9 лет, то у аутичных людей, бывает, и в старшем подростковом, и в юношеском, и даже во взрослом возрасте

фактически нет опыта самостоятельного, без близких, передвижения. То же самое можно сказать и об освоении различных ситуативных социальных ролей, которые так необходимы любому взрослому человеку для нормального существования — покупателя в магазине, посетителя в кино, пассажира в поезде и т.д.

Клубное общение является во многих отношениях своеобразным тренингом для его участников — в отношении социальных навыков, учета интересов другого человека, терпимости к новизне и т.д. И все же регулярные встречи за чайным столом — это в первую очередь аффективный стереотип, устойчивая и стабильная эмоциональная база, на фоне которой возможно возвращение гибкой адаптации к действительно непонятной и неисследованной «большой жизни». Нарбатывать эти адаптационные механизмы необходимо постоянно, выходя за пределы привычных и освоенных ситуаций. Поэтому фактически с самого начала существования Клуба, помимо обычных встреч, практиковались время от времени выезды на природу, к кому-нибудь в гости, позднее — в музеи, на концерты и т.д. В подобных «вылазках» важно не создавать чересчур тепличных условий, скажем, ехать за город не на заказанном автобусе, а на обычной электричке. Нарботанный опыт совместного общения, доверие в группе во время подобных путешествий (как к ведущим, так и к товарищам) являются необходимой аффективной базой для освоения неизведанного. По этой причине следует очень осторожно предпринимать подобные выходы на первых порах работы с группой; кроме того, в целом сложность ситуаций для участников должна увеличиваться постепенно.

Опыт работы с аутичными детьми и взрослыми приводит к выводу, что иногда в реальных жизненных ситуациях, требующих мобилизации душевной и физической, они могут проявлять чудеса выдержки и необычайно высокие (если знать их обычное состояние) адаптационные возможности. Конечно, для этого, как уже было сказано, должен быть наработан опыт успешного преодоления маленьких неудач, неожиданностей, фрустраций и т.д. Хорошим полигоном для проявления новых адаптационных возможностей как раз и могут служить совместные выходы Клуба, где можно варьировать степень сложности ситуации, балансируя между подкреплением ощущения безопасности и знакомости ситуации и ее новизной и неисследованностью. Более того, фактически каждый участник сам может выбирать во время таких мероприятий степень своей самостоятельности и го-

товности приспособливаться к неизведанному — с помощью находящихся рядом ведущих Клуба или без.

Следует, однако, отметить, что непредсказуемость ситуации ни в коем случае не должна быть чрезмерной. На практике это означает, что ведущим следует заранее представлять маршрут, знать по возможности все предстоящие трудности, понимать, кому из участников какая помощь может быть нужна в каждый момент. Аутичного человека во время подобных выходов нельзя бросать одного в ситуациях, с которыми ему, возможно, объективно трудно справиться.

В течение последнего года Клубом были предприняты две поездки — в Архангельскую область (на 8 дней) и в Санкт-Петербург (на 3 дня). Фактически ежедневно и ежечасно во время этих путешествий ребята вставали перед необходимостью приспособливаться к новым и достаточно сложным ситуациям. В условиях почти полного изменения привычного жизненного стереотипа они учились жить в плацкартном вагоне поезда дальнего следования, в гостинице, в гостях в чужой квартире, в палатке на природе; вести себя на экскурсии, на вокзале, в общественном транспорте незнакомого города. Благодаря общему эмоциональному подъему в ситуации путешествия, интересу ко всему происходящему, доверию к людям рядом участники похода смогли преодолеть множество трудностей и успешно выйти из массы сложных новых для них ситуаций.

Опыт путешествий оказался чрезвычайно значимым эмоционально: воспоминания о пережитом остаются ключевой темой бесед на Клубах длительное время. Кроме того, этот опыт весьма плодотворен: поездки многим дали толчок в развитии самостоятельности, бытовых навыков, речи, размягчении стереотипности (в частности, избирательности в еде). Пережитые путешествия — со всеми их трудностями, неожиданностями и радостями — послужили пищей для законной гордости участников за себя и свои открывшиеся возможности, по-новому сплотили группу.

Остановимся на некоторых правилах, которые следует соблюдать в групповой работе с аутичными детьми, подростками и взрослыми. Во-первых, не следует объединять в одной группе слишком разных по интеллектуальному или эмоциональному развитию участников. Как уже указывалось, входящие в наш Клуб ребята, при всей разнице между ними в уровне и способах достигнутой адаптации — это люди без интеллектуального снижения и с возможностями активной речи, часто очень высоки-

ми. И тем не менее на клубных встречах регулярно возникают ситуации, когда один или несколько участников одновременно «выпадают» из общего разговора: кому-то становится скучно, кто-то начинает погружаться в свои стереотипные занятия или темы, кого-то происходящее в данный момент не затрагивает эмоционально. Вовлечение каждого сидящего за столом в процесс группового взаимодействия, создание общей атмосферы — это кропотливая и непрерывная работа ведущих. А если какой-то участник намного ниже других по своим интеллектуальным или аффективным возможностям, то он, вероятнее всего, окажется устойчиво выключенным из общего группового действия, так же как окажется выключенным, например, ребенок-дошкольник, когда взрослые вокруг него ведут интересные для них, но кажущиеся ему скучными разговоры.

На практике, однако, вполне может сложиться ситуация, когда хочется включить в уже сложившуюся группу еще одного участника, которому будет очень полезно пребывание в группе, но который при этом, скажем, существенно ниже остальных по интеллектуальным возможностям. В этом случае важно, чтобы один из ведущих целенаправленно помогал такому участнику — комментировал происходящее на доступном для него уровне, позволяя тем самым по возможности понимать происходящее (общий разговор, например) и при необходимости служа буфером, посредником между таким участником и другими.

Во-вторых, индивидуальная психокоррекционная работа, в общем случае, должна предвдварять групповую. Так, все участники нашего Клуба, как уже отмечалось выше, прошли через продолжительные индивидуальные психокоррекционные и педагогические занятия. Индивидуальная работа помогает сформировать базовую готовность к пребыванию в группе, возможность испытывать радость от пребывания с другими людьми. В занятиях с педагогом или психологом отодвигается психическое пресыщение, размягчаются стереотипы аутичного ребенка, формируются предпосылки диалогического общения. Без всего этого ситуация дружеского клубного общения может не достичь цели.

С предыдущими правилами связано и третье: клубные встречи должны вести одновременно двое или несколько ведущих. Одному специалисту, даже очень внимательному и искусному, крайне трудно уследить за всем, что происходит в кругу, вовлечь в общее событие каждого участника. При одном ведущем фактически невозможно раскрыть для каждого полностью клубные встречи.

Кроме того, работать одному с группой аутичных людей — это очень сильная эмоциональная нагрузка, которую специалисту лучше не испытывать для сохранения полноценной работоспособности и психологической стабильности.

Наш опыт показывает, что даже двоих ведущих часто бывает недостаточно для работы с группой из 5-6 аутичных людей и их родителей; в этом случае не всех удастся «держать» в каждый момент времени, полноценно вовлекать во взаимодействие. И напротив, если 3—4 ведущих рассредоточены в кругу среди гостей Клуба, этого бывает достаточно, чтобы одновременно и регулировать групповой процесс в целом, и помогать тем из участников, кто в этом нуждается, яснее понимать и больше быть вовлеченными в происходящие события. На практике нередко очень хорошими помощниками ведущих выступают родители; но рассчитывать на них как на со-ведущих не следует, так как, во-первых, это значительно уменьшает для них терапевтический потенциал ситуации клубного общения, а во-вторых, бывает, что та или иная обсуждаемая тема настолько затрагивает эмоционально кого-то из родителей, что ведущим приходится целенаправленно им помогать «выкарабкиваться» из мощного аффективно засасывающего впечатления так же, как приходится помогать в этом ребятам.

Литература

1. *Лебединская К.С., Никольская О.С.* Диагностика раннего детского аутизма. — М.: Просвещение, 1991.
2. *Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М.* Аутичный ребенок: пути помощи. — М.: Теревинф, 1997.
3. *Обухова Л.Ф.* Детская психология: теории, факты, проблемы. — М.: Тривола, 1995.
4. *Лебединский В.В., Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М.* Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция. — М.: МГУ, 1990.
5. *Осорина М.В.* Секретный мир детей. — СПб., Питер, 1999.

Костин Игорь Анатольевич — психолог Института коррекционной педагогики РАО (119121, Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп. 1)